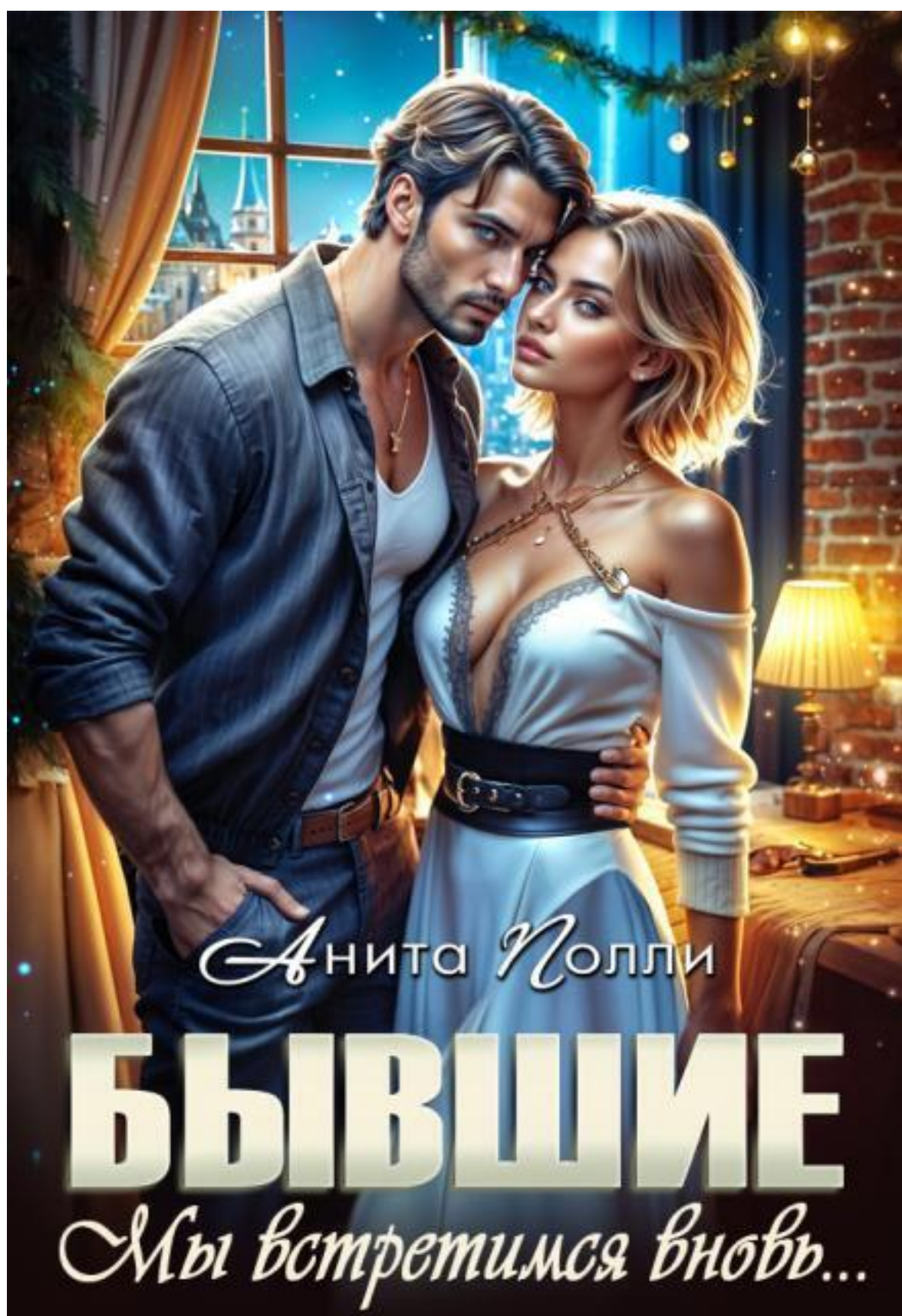

Анита Полли

Бывшие. Мы встретимся вновь...

«Литнет»

2026

Полли А.

Бывшие. Мы встретимся вновь... / А. Полли — «Литнет», 2026

Моя любовь разбилась, когда трубку взяла другая и представилась невестой моего мужчины. А после мой самый родной человек, исчез, оставив вместо объяснений тишину и кучу вопросов без ответов. И когда жизнь, казалось, вошла в спокойное русло, судьба снова столкнула нас лицом к лицу. Только теперь правда страшнее любого обмана, а цена прощения — три года боли и один шанс, который может стать либо нашим спасением, либо окончательным приговором.

© Полли А., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

ПРОЛОГ	5
ГЛАВА 1	8
ГЛАВА 2	12
ГЛАВА 3	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

ПРОЛОГ

— Я улетаю двадцать восьмого. На две недели, может, чуть больше. Срочная командировка в Норильск, сама понимаешь, зима, там аврал, — Павел говорил это, глядя в окно моей кухни, за которым кружились первые тяжелые хлопья снега. Они падали медленно, как будто нехотя, накрывая город ватной тишиной.

Я смотрела на его широкую спину, на то, как нервно он постукивает пальцами по подоконнику, и чувствовала, как внутри завязывается тугой холодный узел. Этот узел стягивал желудок, подбирался к горлу, мешая дышать. За окном кружился снег, а в моей груди разрасталась вьюга.

— В Норильск? — переспросила я, и мой голос прозвучал глухо, будто издалека. — Но через день мой день рождения. Мы собирались в Геленджик, к горячим источникам. Помнишь? Ты сам выбрал этот отель с видом на горы, мы столько обсуждали, какой там воздух... Билеты уже куплены, я уже приобрела тот самый купальник, бежевый, которое ты просил меня примерить... — слова путались, вылетали хаотично, разбиваясь о его неподвижную спину. — Ты меня просто... убиваешь своим заявлением... Жизнь к нам несправедлива!

Я готова была расплакаться. Слезы уже жгли глаза, защипало в носу. Все надежды на шикарное времяпровождение с любимым, все наши планы, все эти мечты о том, как мы будем сидеть в термальной воде под звездами, пить местное вино и говорить ни о чем — все рушилось в одночасье, как картонный домик.

— Знаю, Ариша. Прости. — Мужчина наконец обернулся, и его карие глаза смотрели с таким искренним сожалением, с такой болью, что узел внутри чуть ослаб, но не развязался, а просто трансформировался в глухую тоску. — Это форс-мажор. Мне поручили запустить новую линию, объект сдавать к марту. Если я откажусь, начальник меня просто сожрет, даже не подавится. Если ты не забыла, что мой непосредственный руководитель — мой отец? Я не могу подвести отца, я не имею права на слабость... Это же все для...

— Так Новый год же! Разве три дня что-то решат?

— Решает каждая минута, Ариш... Я должен был вылететь еще вчера...

— Я понимаю, — снова перебила я, хотя на самом деле ничего не понимала. Как работа может быть важнее того, что мы могли бы прожить вместе? Мы встречались полгода. Сто восемьдесят дней, наполненных его голосом по утрам, его сообщениями днем, его теплом вечером. Почти каждый вечер он был здесь, на этой кухне, пил мой кофе, смотрел со мной фильмы. Но дальше невинных поцелуев, до которых у меня каждый раз внутри все переворачивалось, не доходило... Да и куда нам торопиться, когда вся жизнь впереди? Или я просто боялась себе признаться, что жду чего-то большего? Жду, когда он сделает шаг?

Он для меня был, словно воздух, которым я теперь дышу. Все мои мысли и желания были связаны только с этим мужчиной. Красивый, статный — его широкие плечи заслоняли меня от всего мира, богатый — не деньгами, а той внутренней щедростью, с которой он дарил мне внимание, и обходительный. Даже не думала, что способна вот так любить без оглядки. Всем сердцем и душой, чувствовать свою вторую половинку каждой клеточкой тела, каждой порой кожи. Иногда мне казалось, что я схожу с ума, потому что шлейф его запаха в коридоре мог вызвать у меня слезы умиления и счастья одновременно.

— Я прилечу, как только освобожусь, и мы все наверстаем. Устроим тебе праздник в любой день, какой захочешь. Хоть в июле с елкой. — Любимый подошел, взял мое лицо в ладони. Его пальцы были шероховатыми, но пахли почему-то детским кремом — этот контраст всегда меня умилял. Он смотрел на меня так, будто пытался запомнить каждую черточку, каждую ресничку. — А давай твой день рождения мы отметим сегодня? Прямо сейчас!

— Как? — выдохнула я, чувствуя, как его близость немного притупляет боль от новости.

— Сюрприз. Одевайся потеплее. Возьми самый теплый шарф, тот, что я дарил, и варежки. — Брюнет улыбнулся той самой улыбкой, от которой у меня подкашивались колени, и чмокнул меня в кончик носа. От этого прикосновения по телу пробежала знакомая, сладкая дрожь.

Через час мы стояли на смотровой площадке нового небоскреба «Высота». Город лежал под нами, как светящаяся карта, как гигантский живой организм, пульсирующий огнями в темноте. А снег падал так густо, так плотно, что казалось, мы находимся внутри гигантского снежного шара, который кто-то только что встряхнул. Ветер трепал волосы, выбившиеся из-под шапки, но мне было тепло — оттого, что родная мужская рука сжимала мою в кармане его пуховика.

— С днем рождения, любимая, — Павел достал из рюкзака термос с глинтвейном — я чувствовала пряный запах корицы и апельсина еще до того, как он открутил крышку — и маленькое пирожное в картонной коробочке. — Знаю, это не ресторан, здесь даже столика нет, только мы, ветер и миллион огней внизу. Но здесь только мы и небо. Никаких чужих глаз, никакого лишнего шума. Только ты, я и этот снегопад. Это самое лучшее место, чтобы загадать желание.

— Желания — штука опасная... — я хитро улыбнулась, принимая из его рук горячий пластиковый стаканчик. Пар от глинтвейна обжигал губы, но внутри разливалось тепло.

— А ты загадывай с умом, — мой мужчина игриво подмигнул. Снежинки запутались в его ресницах, и он смешно шурился, стряхивая их.

— Все равно не сбудется... — я поникла, глядя, как хлопья кружатся в свете прожекторов, подсвечивающих небоскреб. Никогда не верила в эту чушь. Ни в новогодние чудеса, ни в падающие звезды, ни в желания под бой курантов. — К тому же... У меня все есть. Правда. Ты рядом, мы вместе, дышим одним воздухом. О чем мне еще мечтать?

— Дорогая, не мне же придумывать за тебя желание? — он легонько щелкнул меня по носу. — Сосредоточься. Закрой глаза. Наверняка есть что-то, о чем можно попросить Вселенную. Что-то сокровенное, о чем даже мне вслух боишься сказать.

— Ладно, — нехотя согласилась я и зажмурилась. Вокруг была только темнота, шум ветра и его пряное дыхание где-то совсем рядом.

Я загадала. Не для галочки, не потому что надо, а по-настоящему, сжав кулаки так, что ногти впились в ладони. Чтобы мой любимый никогда не уезжал. Чтобы завтрашнее число просто исчезло из календаря. Чтобы этот вечер, этот снег, этот глинтвейн длились вечно. Именно сейчас, стоя на краю неба, я желала этого больше всего на свете. Я хотела, чтобы время остановилось.

— Ну, что? Получилось? — спросил он тихо, когда я открыла глаза.

— Угу... — только и смогла выдавить я, потому что комок в горле вернулся.

— Я тоже кое-что загадал, — прошептал он, прижимаясь губами к моему виску. Его губы были холодными, но прикосновение обожгло кожу. — Чтобы, когда я вернусь, мы больше с тобой никогда не расставались. Ни на день. Ни на час. Чтобы ты всегда была в моих объятиях, как сейчас.

Глинтвейн обжег горло пряной сладостью. Снег таял на ресницах и щеках, смешиваясь со слезами, которые я уже не могла сдерживать. Я была абсолютно счастлива. До боли в скулах от улыбки. До дрожи в коленях. До звона в ушах. Это было то самое мгновение, которое хочется законсервировать и носить с собой вечно.

Если бы я знала, что это наше «скоро увидимся» растянется на три бесконечных года. Три зимы. Три раза по сто восемьдесят дней без его голоса, без его рук и объятий. Что тот снегопад

на «Высоте» останется единственным по-настоящему горячим воспоминанием, которое будет греть меня в самые холодные ночи. Если бы я знала, что желания иногда сбываются так страшно и так неправильно. Ведь он улетел. А после я узнала, правду, которая разбила мое сердце...

ГЛАВА 1

Я перечитывала последнее сообщение Павла уже в сотый раз. Пальцы замерзли, хотя в квартире было тепло, даже жарко — топили так, что форточку открывала. Но я все равно сидела, укутавшись в его свитер, который он забыл на спинке стула. Он пах им. Его одеколоном, его кожей, его присутствием. Я вдыхала этот запах и убеждала себя, что все в порядке.

А что мне еще оставалось?

«Сдаю документы на пропуск, скоро взлетаем. Люблю. Буду на связи, как только приземлюсь. С днем рождения! Целую».

Сообщение пришло в десять утра двадцать девятого декабря. Я помню это время, потому что сидела на кухне с чашкой остывшего кофе и улыбалась в экран как дурочка. «Люблю» — написал он. Он редко писал это первым. Обычно я выдавливала из себя признание первой, а он отвечал «и я тебя». А тут — сам. Просто так. Значит, правда любит.

Потом была тишина.

Сначала я не волновалась — ну мало ли, зона покрытия в самолете, там глушат или просто сеть не ловит. Потом заселение, суета, адаптация к бешеному северному ритму. Он же говорил — аврал. Значит, даже сумки разобрать некогда.

К вечеру я написала сама:

«Как долетел?»

Поставила смайлик — сердечко с глазками. Отправила.

Молчание.

Я смотрела на экран минут десять. Потом еще десять. Потом час. Телефон лежал на столе экраном вверх, и каждый раз, когда он гас, я касалась его пальцем, чтобы снова зажечь. Мало ли, вдруг я пропустила вибрацию?

Час ночи. Два. Три.

Я не спала. Лежала в темноте, сжимая телефон обеими руками, и слушала, как за стенкой тикают часы. Тик-так. Тик-так. Сообщения нет.

В четыре утра я не выдержала — позвонила.

«Абонент временно недоступен».

Механический женский голос резанул по уху. Я нажала отбой. Набрала снова.

«Абонент временно недоступен».

Еще раз.

Еще.

Под утро я забылась тяжелым сном без сновидений.

Все утро тридцатого декабря я не прекращала попыток дозвониться. Я звонила, пока чистила зубы, пока варила кофе, пока смотрела в окно на серое декабрьское небо. Я звонила с разных симок, с городского телефона, даже скачала какой-то левый мессенджер — вдруг его номер просто блокирует мои вызовы? Вдруг он попал в беду и не может ответить, а я тут сижу?

— Арин, иди завтракать, — позвала мама из кухни. Голос у нее был такой спокойный, домашний, будто ничего не случилось. — Я твой любимый торт «Наполеон» испекла. С тем самым кремом, как в детстве. Помнишь, ты всегда просила побольше коржей?

Мама, как всегда. Мастерица на все руки. Зная, что я в этот раз не отмечаю свой праздник — какой там праздник, когда любимый за тысячу километров, — не поленилась и приготовила мой любимый десерт. Она всегда так делала. Когда мне было плохо, она пекла. Когда я плакала из-за первой несчастной любви в девятом классе, она пекла. Когда я провалила экзамен в университете, она пекла. Наполеон был ее способом сказать: «Я рядом, я люблю тебя, все будет хорошо».

Я вышла к столу с телефоном в руке. Отец, как всегда, читал новости в планшете — он не мог прожить и часа без ленты новостей, мама суежилась с чашками, расставляя их с ювелирной точностью. Идиллия. Уют.

— Павел звонил? — поинтересовалась мама, ставя передо мной огромный кусок торта. Коржи были тонкими, крем таял, свежая малинка красовалась сверху.

— Не звонил, — я старалась, чтобы голос звучал ровно, но предательская хрипотца все равно просочилась. — Наверное, завал на работе. Все же предновогодняя неделя, конец года, отчеты. Не до меня ему... Там, наверное, аврал круглосуточный. Полярная ночь, люди сходят с ума, работают за двоих.

— Ага, — буркнул отец, не поднимая глаз от планшета. Он водил пальцем по экрану, листая новости, и брови его хмурились. — В Норильске сейчас минус сорок, полярная ночь и завал. Конечно. Бегают там, как белки в колесе. С другой он наверное... А ты дурында, веришь в сказки и Деда Мороза.

— Пап, ну что ты начинаешь? — я отложила вилку, хотя даже не притронулась к торту. — Человек работает. Он мне сам говорил: объект сдавать к марту, если они провозятся, заказчик неустойку повесит. Там огромный завод, новое оборудование, он главный инженер проекта... Это вообще семейный бизнес... Все серьезно.

— Я не начинаю, я пытаюсь спустить тебя с небес на землю. — Он отложил планшет и посмотрел на меня поверх очков. Взгляд у него был тяжелый, рентгеновский. Он всегда так смотрел, когда собирался сказать что-то неприятное. — Скажи, доча, а ты на заводе этом была? Видела его рабочее место? С коллегами его хоть раз общалась? В новый год... Не работают, а отмечают.

— Мы же недавно познакомились, я даже не успела с его родителями встретиться, а ты о коллегах говоришь, — защищалась я, но внутри уже шевелился знакомый червячок сомнения. Маленький, скользкий, холодный. Он всегда просыпался, когда отец начинал свои допросы. — Он сказал, что на нем большая ответственность... Ведь ему потом заниматься всем этим, родители-то не вечные.

— А где он живет? Ты была у него? — не унимался отец.

— Нет, он снимает комнату в коммуналке, стесняется приглашать, потому что там соседи... — я запнулась. Слова отца вдруг показались мне такими логичными. А ведь правда. Шесть месяцев. Я не была у него. Ни разу. Он всегда приходил ко мне. Моя квартира, моя еда, мой диван. А на вопросы о его жилье он отмахивался: «Там бардак, ремонт нужен, соседи пьют, не хочу, чтобы ты это видела».

— Удобно, — хмыкнул отец и снова уткнулся в планшет.

— Ешь торт, — вмешалась мама, бросив на отца предупреждающий взгляд. Она умела смотреть так, что он замолкал. Сразу. Даже после тридцати лет брака. — Арин, все будет хорошо. Просто техника подводит. Связь на севере плохая, ты же знаешь. Спутники, глушилки, погода. Он объявится, вот увидишь. С днем рождения доченька! Задует свечку? Хочешь? Загадаешь...

— Нет!

К чему загадывать желания, если они не сбываются?

— Тогда просто ешь...

Я кивнула, но кусок в горло не лез. Наполеон рассыпался на языке, но я не чувствовала вкуса. Только холод. Тот самый тугой узел, который завязался в день его отъезда, теперь затянулся так сильно, что дышать стало трудно.

Отец умел одним словом посеять смуту. И сомнения. И страх.

Тридцать первого я уже не звонила. Я просто сидела в темноте своей комнаты и смотрела на елку, которую мы нарядили вместе. Она была живая, настоящая, пахла хвоей и мандаринами. Мы покупали ее в прошлое воскресенье на рынке — он тащил ее на плече, а я шла сзади

и смеялась, потому что ветки хлестали его по лицу. На верхушке криво сидел красный бант — Павел сказал, что это «дизайнерское решение». Я тогда подумала: вот такой он у меня — творческий, не как все.

Теперь этот бант казался издевательством.

Гирлянда мерцала. Красный, синий, зеленый, желтый. Красный, синий, зеленый, желтый. Я смотрела на эти огни и считала про себя. За окном взрывались петарды — соседи начинали праздновать рано. Слышались крики, смех, звон бокалов. А я сидела на полу, поджав ноги, укутавшись в плед, и ждала.

Чего я ждала? Чуда? Звонка? Объяснения?

Куранты били по телевизору, Путин говорил что-то важное про стабильность и будущее, мама с отцом чокались в гостиной, а я загадывала желание. Одно-единственное. Чтобы мой любимый нашелся. Чтобы с ним ничего не случилось. Чтобы этот женский голос в трубке мне просто приснился.

Бутылка шампанского так и осталась неоткрытой. Я держала ее в руках, чувствуя холод стекла, и смотрела на золотистую этикетку. «Абрау-Дюрсо». Мы купили ее вместе, за день до его отлета. «Откроем, когда я вернусь», — сказал он тогда. Я верила.

В три часа ночи первого января, когда салюты уже отгремели и только редкие хлопки доносились с улицы, я набрала его номер в последний раз. Пальцы дрожали, и я дважды промахивалась мимо кнопки вызова.

Пошли гудки. Длинные, тягучие.

Я замерла. Сердце колотилось где-то в горле.

А потом — щелчок.

— Алло? — женский голос. Низкий, с легкой хрипотцой. Сонный, недовольный. Такой голос бывает у женщин, которые только что проснулись в теплой постели.

У меня остановилось сердце. Буквально. На секунду мир исчез. Не стало ни елки, ни мерцающих огней, ни запаха хвои. Только этот голос в ухе.

— Павлика можно? — спросила я севшим, чужим голосом. Я даже не узнала себя.

— А кто его спрашивает? — в голосе женщины появились стальные нотки. Настороженность. Собственничество.

— Арина.

Пауза. Длинная, как вся моя жизнь.

— А, Арина, — протянула незнакомая женщина. Теперь в голосе появилась снисходительность, даже какая-то жалость. Так говорят с детьми или с очень глупыми людьми. — Слушай, Арин, давай сразу к делу. Я устала, и ты, наверное, тоже. Павел спит. Мы только что из ресторана вернулись, отмечали Новый год и нашу помолвку. Кольцо, гости, шампанское — все как полагается. Если хочешь что-то ему передать — я передам. Если нет — не звони больше. Правда. Не надо.

Трубка дала отбой.

Короткие гудки. Ту-ту-ту-ту.

Я сидела на кровати, сжимая трубку телефона аппарата, и смотрела, как за окном догорают последние салюты. Красные искры рассыпались по черному небу и гасли, падая вниз. Бант на елке покачнулся от сквозняка — видимо, где-то открылась форточка — и упал. Прямо под ноги.

Вот так. Ни драмы, ни объяснений, ни слезливых прощаний. Просто короткий женский голос, который разрушил все. Шесть месяцев. Сто восемьдесят дней счастья. Планы, мечты, его обещания, его «люблю» в последнем сообщении — все превратилось в пыль за тридцать секунд разговора.

Я не плакала. Сидела и смотрела на упавший бант. Красный, дурашливый, кривой.

А потом до меня дошло.

Он обещал позвонить, как приземлится. Он обещал быть на связи. А вместо этого — помолвка. С какой-то незнакомой женщиной.

И вдруг меня накрыло. Волной, цунами, ледяным штормом.

Норильск. Зима. Аврал. «Срочная командировка».

Да была ли она вообще?

Я судорожно открыла браузер. Пальцы не слушались, экран расплывался перед глазами, но я нашла. Сайт авиакомпании. Рейсы в Норильск двадцать восьмого декабря.

Ни одного рейса в тот день не было.

Отмена. Все отменили из-за метеоусловий за сутки.

Я проверила еще раз. И еще.

Пусто.

Он не улетал. Он вообще никуда не улетал. Он просто придумал эту историю, чтобы исчезнуть. А я, дура, повелась. Купилась на «люблю», на его глаза, на его улыбку, на «мы больше никогда не расстанемся».

Телефонная трубка выпала из рук.

Бант лежал на полу.

За окном догорал рассвет первого января.

А я осталась одна.

ГЛАВА 2

— Дорогуша, ну что ты убиваешься? — подруга Карина придвинула ко мне чашку с кофе. Мы сидели в нашей любимой кофейне «Мокка», где пахло корицей, свежей выпечкой и обжаренными зернами. Здесь всегда было уютно, играл тихий джаз, а официанты знали нас в лицо. Но сегодня даже любимый латте с карамелью казался безвкусным. — Значит, козел. Таких знаешь сколько? Как собак нерезаных. Выкинь из головы.

— Как выкинуть? — Я смотрела на неё красными, опухшими от слёз глазами. Под ними залегли синие тени — я почти не спала третью неделю. Волосы собраны в небрежный пучок, на губах обветренная кожа. Я сама себя не узнавала в зеркале. — Я его люблю. Понимаешь? Не просто нравится, не увлечение. Я дышала им. Я планировала с ним детей, старость, собаку, дом у моря. Я мысленно уже вышла за него замуж и состарилась рядом. А теперь...

— Любовь — это химия, — отрезала Карина, даже не дав мне договорить. Она отломилла кусочек круассана, макнула в кофе и отправила в рот с видом человека, который знает о жизни всё. — Обычная органика. Дофамин, серотонин, окситоцин. А химия, как известно, заканчивается, когда заканчиваются реагенты. У тебя просто реагенты кончились. Новые купи — и порядок.

Карина была патологоанатомом в местном морге и смотрела на жизнь с удивительным цинизмом. Говорила, что насмотрелась на мертвых и теперь ее ничего не берет. Она могла обсуждать вскрытие и одновременно жевать бутерброд. Могла рассказывать о том, как выглядят утопленники, и тут же интересоваться моими планами на выходные. Её невозмутимость всегда меня поражала. Но сейчас я ей завидовала. Как же легко, наверное, жить, когда у тебя броня вместо кожи.

— Ты не понимаешь. — Я обхватила чашку ладонями, надеясь согреться, но холод шёл изнутри. — Мы же планировали... Он говорил про Геленджик, про источники, про то, как мы встретим там рассвет... Он смотрел на меня так... Знаешь, бывает взгляд, когда человек видит тебя настоящую? Не маску, не картинку, а всю, до донышка? У него был такой взгляд. Он не мог так обманывать. Разве чувства сыграешь вот так вот? Разве можно смотреть на женщину и врать каждую секунду?

Я так до конца и не верила в то, что произошло. Где-то в глубине души теплилась живучая надежда: а вдруг это ошибка? Вдруг та женщина — его сестра или случайная знакомая? Вдруг он сейчас придет, упадет на колени и всё объяснит?

А еще я каждый раз вздрагивала, когда мой сотовый телефон начинал вибрировать. Каждое уведомление — удар под дых. Сердце подпрыгивало к горлу, руки начинали трястись, а вдруг это он? Вдруг сейчас я услышу его голос, и всё станет на свои места? Но это была либо мама, либо спам-рассылка, либо Карина с очередным циничным советом.

— Можно, — откликнулась Карина, откусывая еще кусок круассана и жуя с невыносимо спокойным видом. Крошки упали на стол, она смахнула их небрежным жестом. — Планировали они. Арин, дорогая, мужики врут всегда. Запомни эту аксиому и высеки у себя в мозгу золотыми буквами. Вопрос только в масштабе лжи. Кто-то врет, что задержался на работе на час, а сам в баре с друзьями. Кто-то врет, что забыл про годовщину, а просто забил. А кто-то врет, что улетел в Норильск на две недели, а сам женится на другой в соседнем ЗАГСе. Твой попал во вторую категорию. Даже не во вторую — в высшую лигу. Профессионал. Смирись.

— Просто должен быть мотив. — Я уже почти кричала, но старалась сдерживаться, чтобы не привлекать внимание посетителей. — Понимаешь? У убийства или того же обмана всегда есть мотив. Смысл ему меня дурить полгода? Я ведь простая девушка. Не богатая наследница, не светская львица, не красавица с обложки. Не семь пядей во лбу. Простая. Средняя. Обычная. Ради чего этот спектакль? Ради какой выгоды?

Карина отставила чашку, подалась вперёд и посмотрела на меня с тем выражением, с каким, наверное, смотрела на особо случаи во время вскрытия на работе.

— Это ты не понимаешь мужиков, — сказала она жестко, без тени жалости. — Они живут для себя. Исключительно для себя. Всё, что они делают — делают ради своего удовольствия. Встретил симпатичную девушку — почему не развлечься? Завоевал, покори́л, наполнил её сердце надеждой, разбил вдребезги — кайф же! Адреналин! Ощущение власти! Следующая! Вот такая схема, дорогая. Никакой выгоды, никакого расчёта. Просто игра. Ты для него была игрой. Квестом на полгода.

У меня перехватило дыхание. Слова Карины били наотмашь, но в них была истина. Та самая, от которой я бегала три недели.

— А ты ищешь правду, что-то чистое и светлое в этом дерьме. — Карина покачала головой, и в её глазах мелькнуло что-то похожее на сочувствие. — Ищешь смысл там, где его нет. Все они кобели, Арин. Прости за мой французский, но это так. И не достойны эти гады твоего доброго сердца и, тем более, твоих слёз. Ты тут рыдаешь, сохнешь, не спишь ночами, а он там, между прочим, молодую жену целует и в ус не дует. Думает, что всё правильно сделал.

— Я ему звонила потом еще раз. Через неделю. — Я опустила глаза в чашку, потому что смотреть на Карину было стыдно. Стыдно за свою слабость, за то, что не удержалась, за то, что дала ему шанс снова сделать больно. — Трубку взял уже он.

Карина замерла с круассаном на полпути ко рту.

— И что сказал? — Голос её стал тише, но жёстче.

Я закрыла глаза и снова услышала тот разговор. Его голос. Уставший, виноватый, но такой родной.

— Что всё сложно. Что она его невеста по договоренности семей. Что их отцы — партнёры по бизнесу, и если он откажется, то подведёт всю семью. Что я — это его настоящая любовь, единственная и неповторимая, но он просто запутался. Просил понять и простить. И дать время во всем разобраться.

— О, классика! — Карина даже в ладоши захлопала, и несколько человек за соседними столиками обернулись. — «Я запутался»! Это мужской вариант «я дура». Или «я не знаю, чего хочу». Или «прости, я козёл, но скажи это за меня кто-нибудь другой». Всегда срабатывает безотказно на доверчивых дурочках. Поэтому... я одна. И что дальше?

— Он просил подождать. — Голос мой дрогнул. — Говорил, что разорвет помолвку, уладит дела с отцом, разрулит бизнес-вопросы и вернется ко мне. Через месяц, через два, максимум через полгода. Просил верить ему. Сказал, что я — его судьба, а она — просто ошибка, навязанная обстоятельствами.

— И ты повелась? — Карина прищурилась, буравя меня взглядом. — на минуточку, поставь себя на ее место. Тут такой расклад, Ариш. Кто-то из вас двоих точно пострадает и сильно... И скорее всего, это будешь ты. Ибо семья — это святое.

Я медленно покачала головой. Воспоминание об этом разговоре до сих пор жгло изнутри.

— Нет. — Я расправила плечи, впервые за весь диалог. — С меня хватит! Я сказала, чтобы он забыл мой номер. Сказала, что не буду ждать, не буду верить, не буду надеяться. Сказала, что если он хотел меня потерять — он своего добился. И положила трубку. А потом сменила сим-карту. Выбросила старую в мусорку, чтобы даже соблазна не было вставить обратно, восстановить номер...

Карина уважительно кивнула. В её глазах мелькнуло одобрение, даже гордость.

— Молодец. — Она чокнулась своей чашкой с моей, хотя в чашках был просто кофе. — Правильно. Теперь осталось только пережить. Перетерпеть. Перестрадать. И однажды утром проснуться и понять, что не больно. Что ты думаешь о нём не в первую очередь. А потом — что не думаешь вообще.

Легко сказать.

Пережить.

Я смотрела в окно кофейни, где прохожие спешили по своим делам, где пары держались за руки, где кто-то нес охапку цветов, и думала: как они это делают? Как люди выживают после такого? Как собирают себя по кусочкам, когда внутри — зияющая пустота?

Карина что-то ещё говорила про то, что нужно сменить имидж, записаться на танцы, удалить все фотографии, но я её уже не слышала.

Я смотрела на своё отражение в стекле и не узнавала себя.

Но где-то глубоко внутри, в самой темноте, уже теплился крошечный огонёк злости. Здоровой, правильной злости. На него. На себя. На всю эту ситуацию.

И этот огонёк обещал когда-нибудь разгореться в пожар, который сожжёт всю боль дотла.

Но это будет потом.

А пока я просто сидела в кофейне, слушала джаз, пила остывший кофе и училась жить заново.

ГЛАВА 3

Прошел год.

Я переехала из родного Екатеринбурга в Санкт-Петербург. Решение созрело спонтанно — просто в один из вечеров, когда дождь барабанил по подоконнику, а я в сотый раз перебирала в голове детали нашего расставания, я зашла на сайт с билетами. Увидела дешевый билет на поезд — плацкарт, нижняя полка, двадцать часов дороги — и поняла: если не сейчас, то никогда. Если не сейчас, я просто сойду с ума в этой квартире, где каждый угол помнит его.

Мама плакала. Она стояла в прихожей, комкала в руках носовой платок и смотрела на мой чемодан так, будто я уезжаю на войну. Отец хмурился и бубнил что-то про «бегство от проблем», про то, что от себя не убежишь, что везде с собой увезешь ту же голову на плечах. Я кивала, соглашалась, но уже складывала вещи. Два чемодана. В один — одежду, обувь, косметичку, любимую кружку. В другой — его фотографии, которые так и не решилась выбросить. Засунула на дно, под зимние свитера, будто надеясь, что толстая шерсть заглушит боль, придушит ее, не даст дышать.

Я меняла города, как люди меняют перчатки — пыталась сбежать от воспоминаний. Екатеринбург был пропитан воспоминаниями о Павле до последнего кирпича. Улицы, по которым мы гуляли, держась за руки и считая шаги. Кофейня на Малышева, где он впервые взял меня за руку — я помню тот момент до сих пор, его ладонь была теплой и чуть влажной от волнения. Мой подъезд с облупившейся краской и вечно сломанным домофоном, у которого я ждала его по вечерам. Парк, где мы целовались на лавочке, пока нас не прогнала бабушка с собачкой. Я задыхалась в этом городе. Буквально. Каждый вдох давался с трудом, легкие отказывались работать, воздух кончился.

В Северной столице все было чужим. Серое, тяжелое небо, которое давило на плечи так, что хотелось сутулиться. Мокрые набережные, где ветер продувал до костей, до самого нутра, охлаждая душу. Бесконечные дожди, начинавшиеся внезапно и длившиеся неделями — без перерыва, без просвета, без надежды на солнце. Это мне подходило. Идеально подходило. Под стать настроению. Под стать той зияющей пустоте, что поселилась в груди на месте сердца.

Как бы я ни старалась, вычеркнуть несколько месяцев отношений с Пашей у меня не получалось. Они въелись в кожу, въелись в память, в каждую клеточку тела. Иногда мне казалось, что он оставил под моей кожей микроскопические частицы себя — и теперь они циркулируют в крови, разнося отраву по всему организму. Я могла не думать о нем часами, заниматься делами, общаться с людьми, улыбаться. А потом вдруг — запах мужского одеколона в метро, похожий на его, и сердце останавливалось. Пропускало удар, сбивалось с ритма и начинало колотиться где-то в горле.

Мелькнет чей-то знакомый силуэт в толпе — такая же походка, такой же разворот плеч — и я замираю посреди потока людей, всматриваюсь, забывая дышать. А вдруг? Вдруг это он? Вдруг все эти три года — страшный сон, а он сейчас обернется и скажет: «Прости, я заблудился, искал тебя»?

Идиотка. Ну, какое «вдруг»?

Он в Норильске. Или не в Норильске. Он вообще непонятно где, с этой своей невестой, с помолвкой, с бизнесом, с чужой жизнью, в которую я не вхожу. А я здесь, в чужом городе, ищу его в толпе равнодушных прохожих. Бездарная, жалкая, смешная.

Я устроилась администратором в небольшую гостиницу на Васильевском острове. Трехэтажное здание в дореволюционном стиле, с высокими потолками, лепниной на фасаде и скрипучими половицами, которые жаловались на жизнь при каждом шаге. Хозяйева — пожилая пара, интеллигентные питерские старички — относились ко мне по-доброму, не задавали лишних вопросов, не лезли в душу. Ценили за ответственность и спокойный нрав.

Работа была простая, сменная, но она позволяла ни о чем не думать. Заселение, выселение, ключи, вопросы, дежурные улыбки. Автоматически. Будто я робот. В моей ситуации — самое то. Роботы не чувствуют боли. Роботы не просыпаются по ночам от воспоминаний. Роботы не ищут бывших возлюбленных в толпе.

Я научилась улыбаться глазами, когда внутри — абсолютный ноль. Научилась вежливо отвечать на дурацкие вопросы про погоду и достопримечательности, предлагать экскурсии в Эрмитаж и Петергоф, рассказывать про развод мостов. Гостиница была маленькой, туристы попадались разные — шумные компании из Китая, влюбленные парочки на выходные, одинокие командировочные с уставшими глазами. Я смотрела на парочки и училась не чувствовать боли. Почти получалось. Почти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.